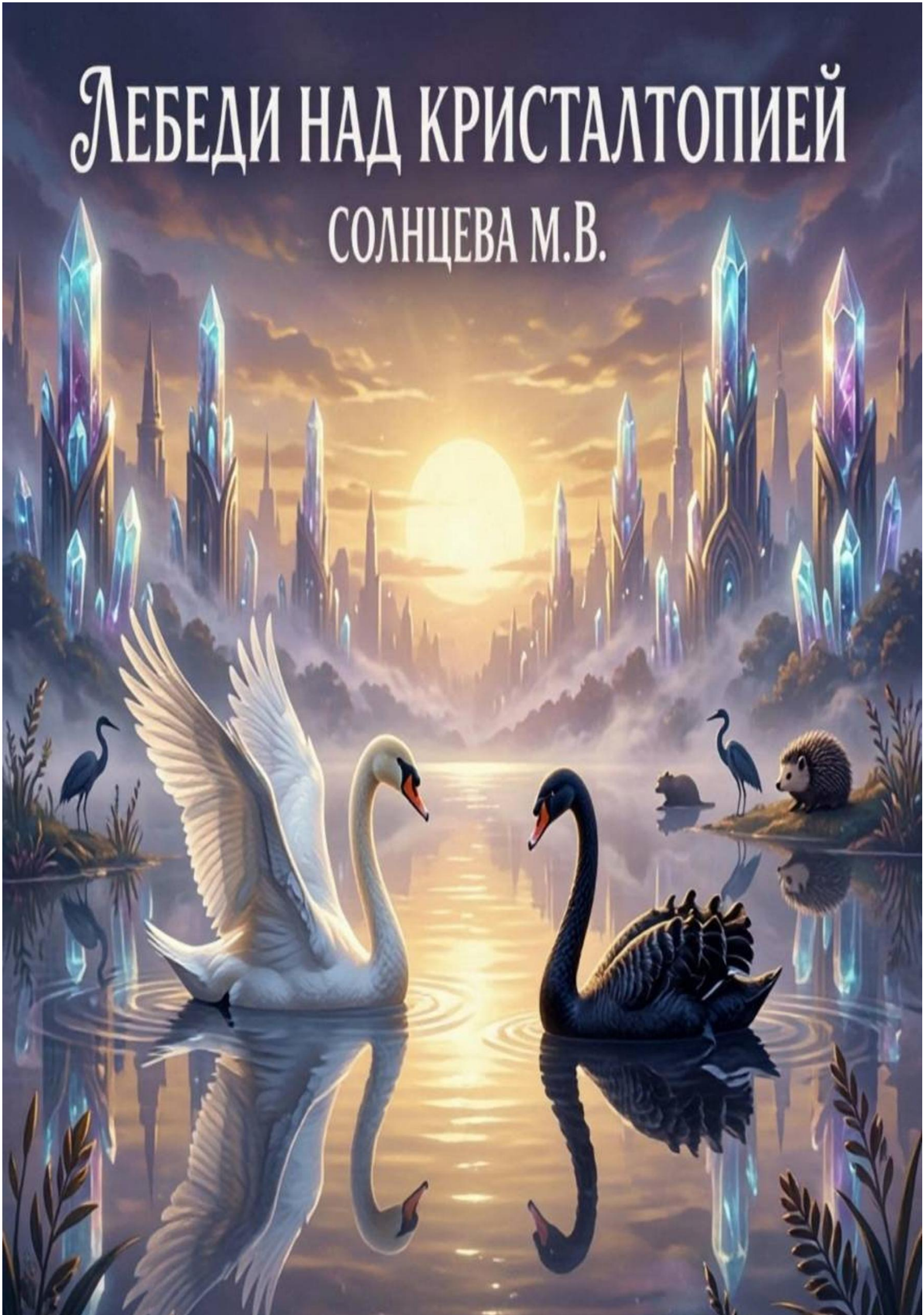
Лебеди над кристалтопией

Солнцева М.В.



Маргарита Солнцева

Лебеди над Кристалтопией

«Автор»
2026

Солнцева М. В.

Лебеди над Кристалтопией / М. В. Солнцева — «Автор», 2026

Роман о белом лебеде и чёрной лебедице, которым запрещено плавать по одной воде. В городе Кристалтопии на озере Гладком лебеди держат отражения людей: белые — дневные, чёрные — ночные. Однажды вода мутнеет, отражения путаются, и стая требует виноватого. Двенадцать глав о правилах, которые придумали от страха, о цапле-аптекаре, бобре-строителе и мальчике с бумажным корабликом — и о том, что вода мутнеет не от встречи, а от испуга.

© Солнцева М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сюжет 5
Глава 1. Перекличка. Рябь 6
Глава 2. Граница. Штиль 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Маргарита Солнцева
Лебеди над Кристалтопией

Сюжет

Роман о белом лебеде и чёрной лебедице, которым запрещено плавать по одной воде. В городе Кристалтопии на озере Гладком лебеди держат отражения людей: белые — дневные, чёрные — ночные. Однажды вода мутнеет, отражения путаются, и стая требует виноватого. Двенадцать глав о правилах, которые придумали от страха, о цапле-аптекаре, бобре-строителе и мальчике с бумажным корабликом — и о том, что вода мутнеет не от встречи, а от испуга.

Главные герои: *Плюмаж, белый лебедь, шесть лет, церемониймейстер стаи, обожает расписание и ужасно боится опоздать; Тень, чёрная лебедица, пять лет, ночной сторож отражений, говорит мало, плавает бесшумно; Седой, старый лебедь, глава стаи, помнит Великое Помутнение и никому о нём не рассказывает; цапля Аптекарь, длинноносая, считает капли и продаёт пузырьки; бобр Плотин, строитель, строит всё, о чём попросят, и потом жалеет; бургомистр Крендель, человек, который хочет быть молодым; мальчик Тишка, девять лет, пускает по озеру бумажные кораблики и единственный в городе не боится смотреть в воду.*

Глава 1. Перекличка. Рябь

Перекличка начиналась в шесть ноль-ноль, и Плюмаж приходил в пять сорок.

Не потому, что надо было готовиться: он делал это шесть лет подряд, и порядок ни разу не менялся. Он приходил рано потому, что боялся опоздать — с того дня, когда вылупился на два дня позже срока и мать сказала: «Вот, последыш, всё делает не вовремя».

Озеро Гладкое было длинное, как поставленное на бок блюдо, и делилось надвое. На востоке вода была почти белая от песка: там белые лебеди держали дневные отражения — показывали людям то, какими те хотят себя видеть. На западе вода была торфяная, коричневая: там чёрные держали ночные — показывали, какие люди есть. Между половинами стоял камыш в три метра, и его не трогали, потому что камыш — граница.

Правило знали все, включая детей: вода, на которой сошлись два цвета, мутнеет.

— Отражение первое! — сказал Плюмаж в воду, и вода показала дом бургомистра: два окна, занавеска, за занавеской человек в халате, ещё не надевший лицо.

Отметок в блокноте было три: «стоит», «плывёт» и «прочерк». Прочерк означал, что отражения нет, и его надо было объяснять. За шесть лет прочерк случился дважды, и оба раза Плюмаж объяснял его так, что потом всю ночь не спал.

На сорок первом отражении вода у его лап сказала:

— Здравствуй.

На другой стороне камыша, в трёх метрах, стояла чёрная лебедица. Моложе его. Перья отливали не чернотой, а синевой — как бывает у чёрных лебедей перед дождём. И смотрела она не на него, а как будто на то, что за ним.

— Ты кто? — спросил Плюмаж.

— Тень. Ночной сторож отражений. Проверяю, чтобы ночные не гасли.

— Тебе здесь нельзя.

— Я не здесь. Я там. Между нами три метра и камыш.

Плюмаж не нашёл ответа: он не любил вопросов, на которые ответа нет в правилах.

— Ты разговариваешь с водой, — сказала Тень. — Вслух.

— Я не разговариваю. Я отмечаю. Чтобы вода знала, что я смотрю.

— Это правильно, — сказала она. — Мои тоже гаснут, если на них не смотреть. Только у меня нет блокнота. Я просто плаваю и смотрю. Всю ночь, с девяти до трёх.

— И не спишь?

— Сплю до полудня. Неудобно. Всё интересное случается утром.

Плюмаж хотел спросить, что интересного случается утром, но вода у берега дёрнулась: отражение домика у мельницы пошло рябью. В нём мальчик у окна держал бумажный корабль, а на воде у берега корабля не было.

Он поплыл к берегу и на середине обернулся.

Тени уже не было.

В блокноте Плюмаж поставил галочку и приписал: «сорок второе — уточнить». Потом подумал и добавил: «спросить у Седого».

Вечером на сходке он не сказал про прочерк.

Он не соврал. Он просто промолчал. И это оказалось легче, чем он думал, — так легко, что ночью, глядя в потолок, он испугался не чёрной лебедицы, а себя: оказывается, для этого не нужно быть смелым. Нужно просто промолчать в нужный момент.

Всю неделю после того разговора Плюмаж думал о Тени.

Он не признался бы в этом никому, тем более Седому, но мысль была не о ней самой. Мысль была о том, что она сказала: «Мои тоже гаснут, если на них не смотреть».

Он знал это и раньше — знал с четырёх лет, с того разговора про договор и хлеб. Но одно дело знать, что отражение держится на взгляде, и совсем другое — представить себе лебедя, который всю ночь смотрит на чужие лица, чтобы они не погасли, и не имеет ни блокнота, ни сменщика, ни отметок.

Он попробовал представить её расписание.

Девять вечера — выход. Тридцать отражений. Если на каждое по минуте, это полчаса. Значит, тридцать минут работы, а потом? Всю ночь она плавает и смотрит ещё раз, потому что отражение, на которое не смотрели час, становится тонким, как мартовский лёд.

Плюмаж считал в уме и всё время сбивался, потому что получалось очень много смотреть.

На четвёртый день он не выдержал и спросил у Седого.

— Седой.

— М.

— А ночные лебеди спят?

Старый лебедь не удивился вопросу. Он вообще не удивлялся вопросам о ночной половине — просто не отвечал на них годами, и все давно перестали спрашивать.

— Спят, — сказал он. — До полудня. У них смена короткая по расписанию и длинная по правде.

— А сколько их?

— Одиннадцать.

— Одиннадцать на тридцать отражений?

— Пять.

Плюмаж остановился.

— Пять?

— Пять, — сказал Седой. — Раньше было больше. Четыре ушли вниз по реке за последние годы, две утонули. — Он помолчал. — Ночная смена — она не такая, как наша, мальчик. У нас утро: люди просыпаются, умываются, смотрят в воду, и это приятно. У них ночь: человек ложится спать, а перед сном — самое честное время суток, когда он уже не держит лицо. И вот в это время на него смотрит лебедь. Это не работа. Это повинность.

— Почему ты никогда не рассказывал?

— А зачем? — сказал Седой. — Тебе от этого что?

Плюмаж не нашёл ответа.

Но ответ был: «Мне от этого то, что я двенадцать лет считал ночную половину чужой и не думал, что у них пять лебедей на тридцать отражений». Он не сказал этого вслух, потому что это было бы похоже на упрёк, а упрекать Седого он не хотел.

Вечером он сделал то, чего не делал никогда: пересчитал своё расписание.

Утро: подъём в пять, перекличка в шесть, обход до девяти. Потом свободное время — целых шесть часов. Потом вечерний обход, ужин, сон в девять.

Шесть часов свободного времени.

У ночных было тридцать отражений, пять лебедей и ни одного свободного часа.

Плюмаж лежал в камыше и смотрел на воду, и вода показывала ему небо.

— Здравствуй, — сказала Тень.

Он не вздрогнул. Он уже ждал.

— Я думал, ты не придёшь.

— Я прихожу через день, — сказала она. — По чётным. Мне нельзя чаще, иначе заметят.

— Кто?

— Все.

Они стояли по разным сторонам камыша, и между ними было три метра воды, в которой ничего не отражалось.

— У тебя пять лебедей на тридцать отражений, — сказал Плюмаж.

Тень помолчала.

— Тебе Седой сказал.

— Сказал.

— И что?

— И то, что у меня шесть часов свободного времени, — сказал Плюмаж.

Тень посмотрела на него так, как смотрят на человека, который говорит вежливую глупость.

— Ты предлагаешь мне помощь?

— Нет.

— Хорошо.

— Я предлагаю тебе смену, — сказал Плюмаж. — Я не могу плавать по тёмной воде. Но я могу стоять на границе и смотреть. Если я буду смотреть на отражение с этой стороны, оно будет держаться?

Тень задумалась.

— Не знаю, — сказала она. — Такого не пробовали.

— Давай попробуем.

Они попробовали в ту же ночь.

Тридцатое отражение — старое, у мельницы, самое слабое: оно гасло чаще других, и Тень приходила к нему дважды за ночь. Плюмаж встал у камыша, на своей стороне, и посмотрел в тёмную воду.

Ничего не произошло.

— Не работает, — сказал он.

— Подожди.

Он смотрел ещё минуту. Отражение у мельницы было тонкое, как бумага на свету, и в нём стоял человек, которого Плюмаж не знал: старик у верстака, руки в занозах.

И тут Плюмаж понял, что он делает не то.

Он смотрел на воду так, как смотрел всегда, — проверяя, «стоит» или «не стоит». А надо было смотреть не проверяя.

Он перестал считать.

И отражение стало плотнее.

Не ярче — плотнее, как будто человек за верстаком чуть повернул голову. Плюмаж видел, как в нём проступает то, чего не было секунду назад: не лицо, а усталость, разлитая по плечам.

— Держится, — сказала Тень очень тихо.

— Держится.

— А ну отпусти.

Плюмаж отвернулся.

Отражение пошло тонкой рябью и стало сжиматься.

— Всё, смотри обратно, — сказала Тень, и он посмотрел обратно, и оно вернулось.

Тень молчала долго.

— Плюмаж, — сказала она наконец.

— Да.

— Ты понимаешь, что мы сейчас сделали?

— Нет.

— Мы нашли способ, — сказала Тень. — Мне одной надо смотреть тридцать. А если нас двое — пятнадцать каждому. А если четверо — семь с половиной.

— И что?

— И то, что я за пять лет ни разу не подумала, что можно попросить, — сказала Тень. — Я думала, что это моя вода. Что если я не справлюсь, то я плохая.

Плюмаж смотрел на неё через камыш и думал, что в этом они с ней одинаковые: оба уверены, что если не справятся, значит, они плохие. Только он справлялся, а она нет.

— Тень.

— Да.

— Ты не плохая.

— Ты меня не знаешь.

— Я знаю, что у тебя пять лебедей на тридцать отражений и что ты приходишь к слабому дважды за ночь, — сказал Плюмаж. — Про человека, который так делает, больше знать не нужно.

Тень отвернулась, и Плюмаж впервые увидел, как чёрная лебедица отворачивается не для того, чтобы уйти, а чтобы скрыть лицо.

Больше они об этом в ту ночь не говорили.

Они смотрели на тридцатое отражение вдвоём до трёх утра, и оно ни разу не погасло, и на рассвете старик за верстаком в тёмной воде поднял голову и посмотрел прямо на них.

— Он нас видел? — спросил Плюмаж.

— Нет, — сказала Тень. — Он видел себя. Просто в этот момент он себя узнал.

Плюмаж вернулся домой в четыре и проспал перекличку.

Это было первое опоздание за шесть лет.

Он проснулся в шесть двадцать, вскочил и полетел над водой, и на середине светлой половины остановился, потому что понял: никто его не ждёт.

На воде стояли отражения, все сорок два, и ни одно не погасло за ночь — потому что ночью на них никто не смотрел, а днём вода держится сама, если в неё смотрят люди.

Перекличка была не для воды. Перекличка была для него.

Плюмаж сел на воду и сидел так минут десять.

Потом он достал блокнот и на первой странице, где было написано «Перекличка. Начало в 6:00», приписал:

«Опоздание допускается, если ночью было важное».

И подумал, что за шесть лет это первая запись в его блокноте, которую он сделал не для порядка.

Про озеро в Кристалтопии говорили так: «Гладкое» — и это было не название, а объяснение.

Оно было длинное — вёрст девять, — и на нём был один остров, и остров не имел названия, потому что на него никто не высаживался, кроме разбойников в романах, которых тут никогда не было.

Дно в нём уходило не ровно: у южного берега было мелко, по колено, и вода там летом стояла как чай — тёплая и сладкая; у северного, где под водой шёл подводный вал, было вдвое глубже, и об этом знали все мальчишки, и трое за пятьдесят лет об этом узнали слишком поздно.

Вода в нём была странная: не коричневая, как в болоте, и не зелёная, как в лесных озерках, а тёмная, с рыжим отливом — в августе она отдаёт медью, в декабре чёрным чаем.

Рыба водилась, но немного: окунь, щука, лещ, — и, говорят, давным-давно лосось, который дошёл сюда рекой и не смог вернуться.

Рыбу тут ловили не для промысла, а для порядка: чтобы было утро, был костёр и был повод вернуться с реки слишком поздно.

И вот главное, из-за чего озеро было озером, а не прудом: у него были две половины.

Не по географии — по свету. Утром, когда солнце вставало за восточным лесом, озеро делилось так резко, что граница была видна как трещина на стекле: одна половина светлела, вторая темнела. К полудню всё сливалось. Вечером — снова, только наоборот.

Граница шла не по прямой. Она гнулась, повторяя форму подводного вала, и на ней стояло то, что в городе называли «шкафом»: три больших валуна, уложенных так, что между ними оставался проход шириной в две лодки.

Через этот проход били ключи.

Ключи били круглый год, и вода в них не замерзала даже в сорокоградусные морозы, и зимой на этом пятачке держалась полынья, к которой приходили утки, — и это была та самая полынья, из-за которой в одиннадцатом году утонул мальчик, и его мать потом каждый день приходила сюда и сыпала крошки, будто кормила его, и ходила так двадцать два года.

Оттого и имя было не «Гладкое», а «Кристалтопия», и странность имени все понимали по-своему: одни считали, что оно от того, что озеро светится в полнолуние; другие — что от кристалла, который лежит на дне и который никто не видел; третьи — что это просто название, придуманное в правлении, чтобы выглядело для бумаг.

Тишка как-то спросил об этом Седого.

Седой сказал так:

— Название — это не про озеро. Это про нас. Мы, когда не понимаем, что перед нами, даём такое имя, чтобы не стыдно было жить рядом.

— И что оно значит?

— Оно значит «не знаем», — сказал Седой. — И пока оно это значит, всё в порядке. Беда будет, когда мы решим, что знаем.

Про светлое и тёмное говорили, что они «две половины», но это слово тоже врало, потому что они никогда не были поровну.

Плюмаж говорил, что по свету их было немного больше.

Тень говорила, что по весу — немного больше тёмных.

И оба были правы, потому что считали разное.

Глава 2. Граница. Штиль

Ночная смена начиналась в девять.

Тень выплывала из камыша на тёмную воду и шла по ней медленно, без всплеска: тридцать отражений, от лодочной станции до старой мельницы. Ночная вода держит крепче дневной — в ней меньше света, и то, что она показывает, труднее перепутать с тем, что хочешь увидеть.

— Отражение седьмое, — говорила Тень в темноту. — Стоит.

В седьмом была вдова с почты: женщина у окна, чайник, одиночество, разложенное по полкам, как банки. Тень смотрела на него ровно столько, сколько надо, чтобы оно не погасло, и отплывала.

Ночные отражения гаснут иначе, чем дневные. Дневное, если на него долго не смотреть, бледнеет. Ночное — уходит: сжимается в точку, как будто кто-то задувает свечу изнутри. Тень видела это дважды и с тех пор смотрела на каждое по счёту.

На одиннадцатом отражении к ней подплыла тётушка Кучевая — вернее, её тень: облака над тёмной водой ходят низко, и тень облака ползёт по воде, как большая рыба.

— Девочка, — сказала тень облака голосом облака. — Я слышала, ты сегодня разговаривала.

— Разговаривала.

— С белым.

— С белым.

Облако помолчало.

— Ты знаешь, что будет, если вода смешается?

— Знаю, — сказала Тень. — Она помутнеет.

— А ты знаешь, почему?

Тень остановилась.

— Потому что так написано.

— Где?

Тень не ответила. Она плавала по этому озеру пять лет и ни разу не видела, где это написано: правила передают на сходках, голосом, и голос идёт дальше, а бумаги нет.

— Вот, — сказало облако. — Я тебе скажу одну вещь, а ты подумай. Я вижу это озеро сорок лет. Я видела три помутнения. И каждый раз вода мутнела не в тот день, когда кто-то переплыл камыш. Она мутнела за день до — когда о том, что кто-то собирается переплыть, узнавали все.

— То есть мутится от разговоров?

— Мутится от испуга, — сказало облако. — Вода чувствует тех, кто на неё смотрит. А испуганный смотрит так, что от него рябь.

Тень задумалась.

— Значит, нам нельзя даже разговаривать?

— Вам нельзя, чтобы вас заметили, — сказало облако и уплыло.

В ту ночь Тень дошла до тридцатого отражения и остановилась у самой границы камыша.

На той стороне было тихо и светло от луны. Там, на светлой половине, на воде лежала белая тень — длинная, ровная, и на конце её дремал лебедь с блокнотом на шнурке.

Тень смотрела на него долго.

Потом сказала, очень тихо, только для себя:

— Спи, — и ушла в камыш.

В ту ночь она впервые увидела, как отражение гаснет.

Это случилось в начале второго, у лодочной станции. Тень шла по своему обычному маршруту — седьмое, восьмое, девятое, — когда вода справа от неё вздрогнула.

Она обернулась.

В отражении лодочной станции стоял лодочник: мужчина лет пятидесяти, в брезентовом фартуке, с руками, которые никогда не бывают чистыми. Он чинил лодку. Вернее, отражение чинило лодку — тем особым способом, каким отражения делают всё: без спешки, без усилия, просто повторяя то, что человек делал сегодня днём.

И вот это отражение начало сжиматься.

Тень видела такое дважды — но оба раза издалека и оба раза думала, что ей показалось. Сейчас было близко.

Отражение не темнело. Оно как будто отъезжало: лодочник оставался на месте, а расстояние до него увеличивалось, и с каждым мгновением он делался меньше, и в конце от него осталась точка — маленькая, светлая, размером с искру, — и эта точка держалась секунды три, а потом исчезла.

В воде не осталось ничего. Просто вода с отражением воды.

Тень смотрела на это и чувствовала то, что не знала за собой: страх.

Она плавала здесь пять лет. Она знала каждое отражение по имени, хотя у отражений не бывает имён, и знала их повадки: седьмое капризное, одиннадцатое всегда чуть мутное, тридцатое слабое. Она привыкла к ним, как привыкают к соседям по подъезду: не любишь, но если один не выйдет утром, ты заметишь.

И вот один не вышел.

Тень подплыла к тому месту, где оно стояло, и опустила голову к воде.

— Эй, — сказала она.

Вода молчала.

— Эй! — сказала она громче. — Вернись.

Ничего.

Она смотрела в воду ещё минуту, потом ещё, и в какой-то момент поймала себя на том, что делает то, чего не делают: она смотрела не на человека, а на пустое место, и ждала, что оно наполнится.

Не наполнилось.

Тогда Тень поплыла к берегу.

Она плыла быстро и без всплеска — так, как умеют только чёрные, — и на берегу, у самой воды, стоял лодочник.

Живой. В брезентовом фартуке. С грязными руками.

Он смотрел на воду.

— Оно ушло, — сказал он.

Тень замерла.

— Ты меня видишь?

— Вижу, — сказал лодочник. — Я всех вижу. Я на этой станции двадцать лет, я ночью не сплю, у меня бессонница. — Он сел на корточки. — Я видел, как оно ушло. Оно каждый вечер уходило, а утром возвращалось. Я думал, так надо.

— Так не надо, — сказала Тень.

— А как надо?

Она не ответила.

— Слушай, — сказал лодочник. — Ты же лебедь. Ты их держишь. Ты можешь его вернуть?

— Не знаю.

— Попробуй.

Тень посмотрела в воду.

Отражение не возвращается по заказу. Это не дверь, которую можно открыть: отражение — это ответ воды на взгляд человека. Если человек смотрит, вода отвечает. Если человек не смотрит — вода ждёт. А если не смотрел три дня — вода забывает.

— Ты сегодня смотрел в воду? — спросила она.

Лодочник задумался.

— Утром смотрел. Я всегда утром — руки мыть.

— Что ты в ней видел?

— Себя.

— Каким?

Он помолчал.

— Молодым, — сказал он. — Я, знаешь, в двадцать лет ходил на «Ракете» по каналу. Белая пена, ветер в лицо. Я тогда думал, что буду всю жизнь на воде.

— А теперь?

— А теперь я чиню чужие лодки, — сказал лодочник. — И это, между нами, тоже вода.

Тень долго смотрела на него.

А потом сделала то, чего не делала никогда: сказала правду.

— Ты смотрел в светлую воду, — сказала она. — Светлая вода показывает только то, что ты хочешь видеть. Двадцать лет ты видел себя на «Ракете». И за двадцать лет твоё ночное отражение высохло.

— Почему?

— Потому что оно было не нужно, — сказала Тень. — Ты видел себя молодым, и тебе этого хватало. А вода ночью показывает, какой ты есть: человек, который ремонтирует чужие лодки и не спит. Ты в эту воду ни разу не смотрел.

Лодочник сидел на корточках и молчал.

— И что теперь?

— Теперь ничего, — сказала Тень. — Отражение не возвращается. Оно как лицо: если долго не смотреть в зеркало, ты просто перестаёшь помнить, как выглядишь. А потом удивляешься фотографии.

Лодочник встал.

— Дайте мне сюда светлую воду, — сказал он вдруг.

— Что?

— Светлую. Вашу, дневную. Мне всё равно, что она покажет, — сказал он. — Я двадцать лет смотрел в газету и в телефон. Дайте мне воду, а я буду смотреть. Каждую ночь. Я не сплю всё равно.

Тень смотрела на него.

— Это не так работает, — сказала она. — Ночное отражение держится на ночной воде.

— Тогда я буду смотреть в вашу.

— Она на той стороне.

— Я перелезу через стену, — сказал лодочник. — Мне пятьдесят два. Я перелезу.

Тень засмеялась. Не потому, что было смешно, а потому, что впервые за пять лет кто-то говорил с ней о её работе так, как будто это работа, а не повинность.

— Слушай, — сказала она. — Приходи завтра к одиннадцати. К камышу, у старой мельницы. Я тебе покажу, что смотреть.

— Кто ты? — спросил лодочник.

— Тень.

— Это не имя.

— Это должность.

На следующий день лодочник пришёл к одиннадцати.

Он пришёл не один: с ним была жена — женщина в платке, которая держала его за рукав, как держат за рукав человека, который собирается прыгнуть.

— Он мне всё рассказал, — сказала она. — Он ночью разговаривал с лебедем.

— Разговаривал, — согласилась Тень.

— И вы правда… — женщина поискала слово, — …показываете?

— Показываем.

— Что?

— Всё.

Женщина помолчала и села на траву.

— Тогда и мне покажите, — сказала она. — Я сорок лет замужем, и я не знаю, какая я.

Они пришли к мельнице, к слабому тридцатому отражению, и там, в тёмной воде, Тень показала им обоим.

Плюмаж стоял на другой стороне камыша, как договорились, и смотрел, чтобы отражение держалось.

Он потом рассказывал, что видел в воде старика и старуху, и что они были не старые, а просто люди, у которых всё уже случилось. Старик в отражении чинил лодку. Старуха сидела рядом на перевёрнутой лодке и молчала — и это было ужасно, потому что молчание в воде было таким же, как молчание на берегу.

Потом старуха в отражении сказала:

— А я думала, ты меня не любишь.

И старик в отражении сказал:

— Я не умею говорить. Я умею лодки.

И они сидели.

На берегу женщина заплакала, а лодочник стоял и смотрел в воду, и лицо у него было совершенно спокойное, каким не бывает у людей, когда они понимают что-то важное.

С тех пор лодочник приходил к мельнице каждую ночь.

Отражение не вернулось — Тень предупреждала, что не вернётся. Но каждую ночь вода у тридцатого, в тёмной половине, показывала человека, который чинит лодку, и женщину, которая сидит рядом. И каждую ночь на берегу стояли двое живых и смотрели на них.

Через месяц Тень заметила странное: тридцатое отражение, самое слабое, перестало быть слабым.

Оно стало крепче всех остальных.

Она рассказала об этом Кучевой — потому что больше было некому.

— А ты как думала, — сказало облако. — Отражение — это же не картинка. Это привычка. Человек привык себя не видеть — отражение сохнет. Человек привык себя видеть — отражение держится само.

— То есть мне не надо всю ночь плавать?

— Надо, — сказало облако. — Но не вокруг всех. Надо вокруг тех, кто смотрит.

Тень легла на воду и посмотрела вверх.

— Я пять лет плавала вокруг всех, — сказала она. — И ни один не смотрел.

— Теперь смотрят двое, — сказало облако. — Это начало, девочка. Начало всегда такое: двое. Дальше будет либо больше, либо никого.

Тётушка Кучевая была самой старой лебедицей в стае.

Ей было сорок один год — по лебединым меркам глубокая старость, — и она помнила три помутнения: сорок первое, шестьдесят восьмое и двадцатое. Она не держала отражений с шестьдесят восьмого, но каждую ночь выходила на тёмную воду и сидела у камыша, как сидят старухи на лавке у ворот.

Тень приносила ей хлеб.

— Тётушка.

— М.

— Расскажи про зеркала.

Кучевая жевала долго — у неё плохо работал клюв.

— Зеркала, — сказала она, — это была не беда. Беда была после.

— А что было после?

— После было тихо, — сказала Кучевая. — Одиннадцать дней вода стояла мутная, и люди не смотрели в неё. Совсем. Они ходили по берегу и отворачивались.

— Почему?

— Потому что там было видно не то, — сказала старуха. — Мутная вода показывает плохо. А человек, если видит себя плохо, — думает, что он испортился.

Тень села рядом.

— И что?

— И вот на десятый день пришли женщины, — сказала Кучевая. — Шесть женщин. И принесли зеркала — те, что остались.

— Зачем?

— Чтобы разбить, — сказала Кучевая. — И они разбили их у воды и сказали: «Теперь смотрите».

Тень молчала.

— Понимаешь? — сказала старуха. — Они не пошли просить у лебедей. Они сами взяли и разбили. И на одиннадцатый день вода стала прозрачной.

— От этого?

— Не от этого, — сказала Кучевая. — Но им так казалось. И этого хватило.

Она помолчала.

— Я тогда была молодая и думала: какие глупые. Надо было просто подождать. — Она усмехнулась. — А теперь я думаю: они разбили двадцать зеркал, которые стоили кучу денег, — и это было единственное разумное, что сделал город за все три помутнения.

— Почему разумное?

— Потому что они сделали хоть что-то сами, — сказала Кучевая. — А когда человек что-то делает сам, он перестаёт искать виноватого. У него нет на это времени.

Про шестьдесят восьмой Кучевая рассказывала охотнее.

— Шестьдесят восьмой был смешной, — говорила она. — Вода ушла на полметра. Мы, лебеди, решили: раз воды мало, пойдём на дальний затон, там глубже. И ушли на четыре дня.

— А город?

— А город четыре дня смотрел в воду, в которой ничего не было, — сказала Кучевая. — И ничего не случилось.

— Совсем ничего?

— Совсем. — Старуха посмотрела на неё. — И вот это, девочка, самое неприятное для нас. Мы тогда впервые поняли, что не так уж нужны.

Тень молчала.

— Четыре дня, — сказала Кучевая. — Мы ушли, и никто не умер. Никто не сошёл с ума. Люди ходили в воду по колено и смеялись, что вода тёплая.

— И что вы сделали?

— Вернулись, — сказала Кучевая. — И сделали вид, что так и надо. — Она усмехнулась. — А потом, на сходке, кто-то сказал: «Видите, без них можно». И это записали в тетрадь. — Она кивнула на воду. — Вот там, в приписке: «Никаких выводов не сделано». Это не про воду, девочка. Это про нас.

— А тридцатое?

— Двадцатое, — поправила Кучевая.

— Двадцатое.

Старуха долго молчала.

— Двадцатое я не буду рассказывать, — сказала она наконец.

— Почему?

— Потому что я там была, — сказала Кучевая. — И я голосовала.

Тень не стала спрашивать, как.

— Я голосовала «за», — сказала Кучевая. — Мне было тридцать девять лет, и я была в стае, и стая решала, и я подняла крыло со всеми.

— Почему?

— Потому что я боялась остаться одна, — сказала старуха. — Вот и всё, девочка. Никакой другой причины не было. Я не думала, что Ирида плохая. Я даже не думала, что она виновата. Я подумала: «Если я не подниму, то после сходки со мной не будут здороваться».

Она отвернулась.

— И знаешь, что самое смешное? После сходки со мной всё равно не здоровались. Потому что все, кто голосовал «за», старались друг друга не замечать.

Тень сидела и не знала, что сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.